

2. Условия и особенности жизни старожилов и переселенцев Кулундинской степи в первые годы столыпинской аграрной реформы

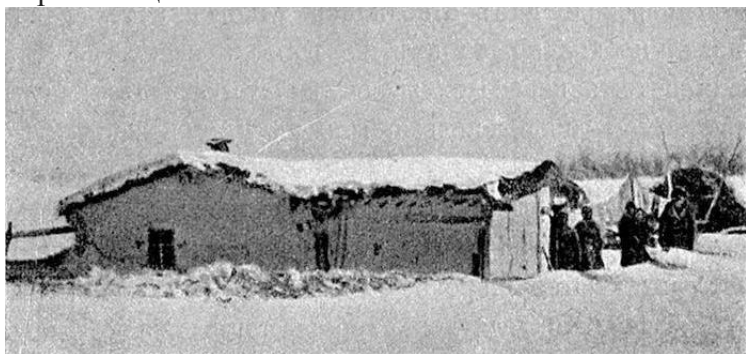
Наибольшая часть поселений Благовещенского района была создана в годы столыпинской аграрной реформы переселенцами из Европейской части России. В этом отношении важно проследить условия и особенности жизни этих людей в первые годы заселения на территорию современного Благовещенского района на основе статистических материалов по жителям Степного района Барнаульского уезда за 1911 год, опубликованных в следующих источниках:

- «Труды Западно-Сибирского общества сельского хозяйства за 1913, 1914 и 1915 г.г. Кн. 4». - Доклад В. Я. Нагнибеда. «Кулундинская степь Барнаульского уезда и культурно-экономический центр ее — село Славгородское». - Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1917.
- «Переселенцы, приселившиеся к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири: материалы статистико-экономического исследования, собранные и разработанные под руководством и редакцией В. Я. Нагнибеда» / Ц.С.У., Сиб. краевой стат. отдел. - Томск : Б.и., 1927.

Анализируя эти издания, всё население Кулундинской степи (как старожилы, так и переселенцы) к 1911 году можно охарактеризовать так: преимущественно великороссы, малороссы и немцы, в подавляющем числе своем православные, при средней грамотности женщин – не более 3%, мужчин-старожилов – 16%, мужчин-переселенцев – 25%. Средний состав семьи переселенцев Кулундинской степи составлял чуть более 6 душ обоего пола, при 1,3 годном работнике и 1,3 годной работнице.

Это население, в среднем, было обеспечено одной жилой и двумя хозяйственными постройками на один двор. При этом жилье старожилов на 83% состояло из деревянного жилья, на 3% земляного (пластянок) и еще на 13% - жилья на заимках. В свою очередь, жилье переселенцев примерно в 63% случаев было земляное и лишь в 37% деревянное – это, как правило, у тех переселенцев, кто перебрался в Сибирь ранее других. Строительным материалом для жилья, в большинстве случаев, служили пласты, т. е. толстые слои целинной или залежной земли, глина и саман. У 82% старожильского жилья пол был деревянный, тогда как у переселенцев в 85-90 % случаев земляной.

Несмотря на то, что жилье всех групп населения находилось на сухом месте, у всех (и у старожилов и у переселенцев) «слабым» местом домов была крыша. По статистическим данным вода проникала в дом, именно через крышу у 40 % старожилов и у более половины переселенцев.

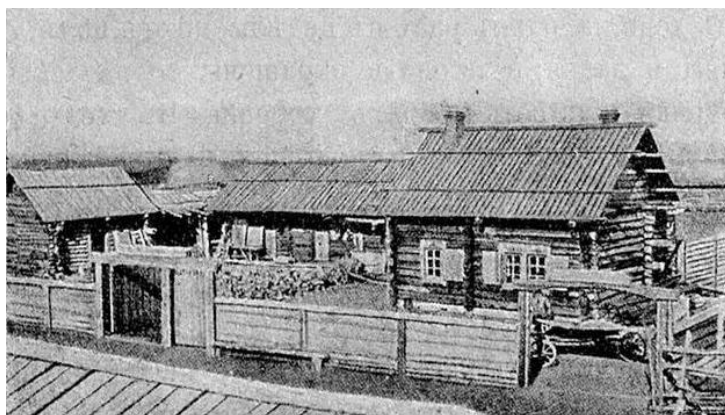
Изда переселенца (пластянка)

На обустройство крыши шли солома и камыш, а иногда все те же земляные пласты. Лес на деревянные части строений (стропила, двери, окна) покупался в Славгороде, или вывозился за 50 верст из кабинетского бора в Михайловке. Наиболее дешевым и наиболее распространенным видом построек были пластянки, но они были недолговечны - как только корни

травы, скрепляющие частицы земли в пластах, истлевали, пласты рассыпались. Пластанка стояла обычно года два-три. Однако немецкие поселенцы увеличивали количество деревянных частей жилья, делая прочную штукатурку с примесью извести, чем достигали большей долговечности постройки – до 10 лет и более.

Следует отметить, что у немцев жилые постройки, в большинстве случаев, воздвигались под одну крышу с амбарами и конюшнями. Под той же крышей часто находился и колодец. Таким образом, в зимнюю непогоду хозяева имели возможность выполнять обычные работы по хозяйству под защитой кровли.

Вентиляции не было во всех домах, без исключения, у всех категорий жителей.

Изба крестьянина-старожила

Старожильческие дома примерно в равных долях состояли из одно-, двух- и трех-комнат при двух-трех, а временами и четырех топках. У переселенцев же 60-65% жилья было однокомнатным, остальные двухкомнатные, а в трехкомнатных проживали единицы. Более половины переселенцев обустраивали свое жилье сразу с двумя топками, учитывая суровые зимы Сибири.

Сравнительно слабая обеспеченность надворными строениями (амбарами, сараями, хлевами, скотными дворами, пригонами, конюшнями, гумнами, ригами, овинами, погребами, ледниками, банями), объясняется сравнительно недавнем обоснованием в этой местности переселенческого населения. Не имели никаких построек примерно 2% от общего числа исследованных хозяйств.

Транспортного инвентаря у переселенцев Кулундинской степи приходилось в среднем по 2,3 штуки, а сельскохозяйственного по 3,7 штуки на двор. При этом у старожилов было телег в два раза больше, чем у переселенцев, зато у переселенцев, в отличие от старожилов, уже появились в наличии немецкие брички и малороссийские фургоны.

Дровень и саней у всех было примерно в равных количествах.

Местные природно-климатические условия заставляли переселенцев обзаводиться усовершенствованными орудиями для обработки земли и уборки хлебов и трав. Плуги почти совсем вытеснили непригодную для сибирской земли соху; жнейки вытеснили серп. Преобладание степных покосов с низкорослой травой заставляли отставлять в сторону косу-литовку, поскольку с ней невозможно было заготовить нужный на зиму запас сена одному-двум косцам. Крестьяне обзаводились косилкой и конными граблями. К 1911 году в Кулундинской степи применялись так же обыкновенные (не дисковые) бороны, веялки, сноповязалки, молотилки.

Не нуждающиеся в значительных запасах сена и малосеющие хозяева покупали сельскохозяйственные машины в складчину, а некоторые прибегали к найму машин на 1-2 дня и более.

По статистическим данным в Кулундинской степи: одна веялка приходилась на каждые 5 дворов, одна молотилка на 19 дворов, одна сеялка на 20 дворов и одна косилка или жнейка на каждые два двора.

Скота всех видов в среднем на одно хозяйство приходилось 8,7 голов, считая, в том числе 2,7 голов рабочих лошадей, 0,4 волов и быков и 1,5 дойных коров. По количеству голов

рабочего скота все хозяйства группировались так: 1 голову рабочего скота имели 12,5% общего числа хозяйств; 2 головы - 24,7%; 3-6 голов - 49,9%; 7 и более голов - 4,5%; не имели скота вообще - 8,4% хозяйств. Такая достаточная обеспеченность рабочим скотом позволяла хозяевам обрабатывать тяжелые целинные почвы степи своими силами.

Уже к 1911 году отмечались попытки местных крестьян улучшить породу скота, как молочного, так и рабочего. Многие члены сельских обществ выписывали производителей улучшенных пород из Европейской России. Что касается молочного хозяйства, то оно в это время носило чаще потребительский характер - не промысловый. Молоко продавали только 8% хозяйств, имеющих дойных коров. Это еще во многом было обусловлено и тем, что маслодельные заводы и сепараторы, куда переселенцы сдавали молоко, в большинстве случаев, являлись собственностью частных лиц, которые в тоже время являлись и собственниками мелочных торговых лавок, которые производили расчет за молоко посредством взаиморасчетов товарами из этих лавок (керосин, чай, сахар, ситец и т.п.). В случае же острой необходимости на покупку семян, лошади или плуга переселенец не мог из этого источника черпать наличные средства. Кроме того, сдатчики молока зачастую брали товары в кредит, тем самым были привязаны к конкретной лавке и не имели свободы в выборе ассортимента, цен и качества товаров.

Помимо молочного и рабочего скота, поселенцы Кулундинской степи разводили гулевой рогатый скот и мелкий скот (овец, свиней, очень редко коз).

Сеяли переселенцы, главным образом, яровую пшеницу, в отличие от прежних мест проживания, где преобладали посевы ржи. Использовать обилие земли, которое больше всего соблазнило переселенцев покинуть родину, оказалось, в Кулундинской степи нелегко. Почти всюду переселенцы нашли здесь нетронутую девственную почву, если не считать небольших пространств, распаханых заимочниками и киргизами. Порядка 88% от общего числа переселенческих хозяйств поднимали целину. Как оказалось на деле, многие переселенцы приуменьшали в своем представлении те трудности, которые ожидали их в Сибири. Хорошо обрабатывать землю и увеличивать из года в год посевную площадь могли только те, кто имел собственный плуг и не менее 3-4 рабочих лошадей.

Большое внимание уделяли переселенцы огородничеству. Обычно до 60% усадебной площади отводилось под огороды. Огород был почти у каждого домохозяина. Там выращивали: капусту, картофель, огурцы, морковь, свеклу, горох, фасоль, бобы, помидоры, дыни, брюкву, арбузы и тыквы. И если в первые годы поселения продукция огородов использовалась только для собственного потребления, то уже на 3-4 год проживания значительная часть овощей шла на продажу.

Покосы преобладали степные, «гривные». Суходольные и лужные встречались редко, хотя и были лучше.

По формам землевладения хозяйства Кулундинской степи распределялись в следующем порядке: общинную форму имело 62,7 % хозяйств, подворную 36,4 % и хуторскую 0,97 %.

Во многих селениях с общинной формой землевладения существовала вольно-захватное владение землей, при котором каждый домохозяин распахивал землю в таких размерах, на которые хватало его сил и средств. Такая форма сохранялась до тех пор, пока участок был не полностью заселен, и была обусловлена малыми хозяйственными силами и средствами у некоторых новоселов, а также их разобщенностью, поскольку они были выходцами из разных губерний. У немцев-менонитов землевладение изначально было подворное. Они разделяли свои участки на равные части по числу дворов, независимо от количества наделных душ. Пахотная земля у каждого домохозяина, в целях уравнивания ее качества, находилась в двух или трех отдельных участках (кусках). Покосные угодья немцы-менониты ежегодно или перераспределяли, в соответствии с качеством урожая, или же выкашивали свободную площадь сообща, а потом делили сено поровну.

Кроме земледелия около 66% общего числа хозяйств занимались еще и различного рода промыслами. Основными промыслами переселенцев Кулундинской степи были – помол муки, распилка деревьев, кузнечное дело, рыболовство, портняжество, швейный промысел, сапожный, пимокатный, кладка печей, плотничество, работа извозчиками и ямщиками, няньками, работниками на домашнем услужении. Но наиболее распространенными промыслами была работа чернорабочим, поденщиком или разнорабочим. У сторожилов же, при наибольшем распространении все тех же работ чернорабочим и разнорабочим, были достаточно распространены работы по гонке дегтя и смолы, по добыче соли, работы мукомолом, мелочные лавочки, скупщики хлеба для перепродажи, услуги гужевого транспорта, сдача в эксплуатацию с/х машин.

В Сибири у переселенцев, проживших в среднем около трех лет на участках Степного района, заметно возросло, по сравнению с родиной, потребление хлеба, но сократилось потребление картофеля; потребление других продуктов растительной и мясной пищи (мясо, рыба, птица, молоко, горох, капуста, лук) также несколько сократилось, но увеличилось потребление чая и сахара.

А вот как сравнивает уклад жизни русских переселенцев и немцев-меннонитов В. Я. Нагнибеда* - заведующий статистической партией Томского переселенческого района в 1910-1911 годах, производивший статистико-экономические исследования хозяйств Кулундинской степи в эти годы: «В поселках, заселенных немцами-менонитами, всюду чистота, прибранность, порядок. Дома светлые, просторные, нередко под железными крышами, выведены в одну линию, часто покрашены в один цвет. Обычно дома отодвинуты в глубину двора сажень на 10 от линии улицы; это место оставлено для будущего фруктового сада: теперь же там разбиты палисадники, засаженные ароматными сортами цветов (табаки, петушки, гвоздики, левкои); и когда проезжаешь по степи темною ночью, то уже, по наполняющему воздух аромату цветов, безошибочно угадываешь, что путь лежит через меннонитский поселок. Во многих поселках производятся древесные насаждения. Дворы и улицы подметаются и поливаются в засушливое время года ежедневно.

От русских переселенцев, особенно от малороссов, часто приходилось слышать жалобы на бедность местной природы, на отсутствие растительности. Но немногие из них проявляют достаточно активности, чтобы скрасить, хотя бы вблизи своего жилища, эту природу, чтобы создать хотя бы иллюзию малороссийской деревни с ее «садочками». Серо-желтые пластаные и саманные постройки, иногда беленые, с плоскими крышами, с маленькими окнами, представляются издали какими-то крепостными казематами...

Внешнему соответствует и внутреннее содержание жизни. Почти во всех меннонитских поселках есть отстроенные за общественный счет школы, во многих - молитвенные дома и хлебозапасные магазины, есть мельницы с нефтяными двигателями. На общественные средства содержатся школьные учителя, фельдшеры и повивальные бабки. У меннонитов мы встретили институт санитарных попечителей, которые наблюдают за чистотой в поселке, сообщают врачу о появлении острозаразных заболеваний и принимают меры к изолированию домов, где появляются такие заболевания. Обычно у ворот дома, где имеет место острозаразное заболевание, выбрасывается черный флаг. Всюду у меннонитов, мы видели лучший скот, лучшее сено, лучшие урожаи, лучшую пищу. Если обратимся теперь к причинам такой разницы в укладе хозяйственной жизни у меннонитов и у других переселенцев, то, прежде всего, следует отметить, что меннониты обеспечены материально

** - Нагнибеда Василий Яковлевич (1878 – 1961) – профессор кафедры теории и техники статистики. Во время первой в России с/х переписи 1916 г. провел подсчет по уездам, волостям и природным зонам Томской губернии, что позволило судить о специализации, степени развития с/х производства, занятиях населения и хозяйственном облике ее отдельных районов. Руководил проведением Всероссийской с/х переписи 1917 г. в Томской губернии. С 1920 г. был заведующим Томским губернским статистическим бюро.*

значительно в большей степени, нежели прочие группы переселенцев; меннониты на родине имели солидное домообзаводство; но, кроме того, и переселившись в Сибирь, они пользуются правом получения денежных ссуд из капиталов хранящихся в тех обществах, откуда они вышли. Так, удалось выяснить, что меннониты Кулундинской степи получают ссуды из Таврической губернии, от волостей Гнаденфельдской и Гальбштадской, и из Екатеринославской губернии от волости Хортицкой.

Обеспеченность на родине у переселенцев прочих этнографических групп часто стояла ниже, чем у меннонитов. Но, кроме того, для большинства их дает себя остро чувствовать еще отсутствие широкого кредита в Сибири. Во многих поселках приходилось слышать жалобы на то, что денег нельзя достать и под большие проценты.

У меннонитов есть свои инструктора полеводства, огородничества и скотоводства. Их отличает грамотность, культурность, возможность осмысленно ориентироваться в новых условиях жизни, прочитать книжку, сельскохозяйственную газету или брошюру, иногда даже просто семенной каталог. У русских переселенцев Кулундинской степи нет такого инструктирования и надо сказать нет и иного, в лице специальных правительственных агентов...

Меннониты присматриваются к окружающим условиям жизни и непрерывно изучают их. Они делают опыты с посадкой или посевом различных злаков и овощей и, при неудачах, не твердят безнадежных жалоб на „климант" или „солонцы", а выясняют причины неудач и при неустранимости прекращают опыт, а при устранимости, соответственно, изменяют его. Тогда как в русских поселках часто приходилось встречать хозяев, которые настойчиво, несмотря на неудачи, стараются насаждать вывезенные с родины сорта хлебов и огородных овощей, настойчиво применяют привычные им методы обработки земли, проводят прежние сроки вспашки сева и уборки хлебов, несмотря на то, что результаты кричат о необходимости изменить их и приспособиться к специфическим местным условиям жизни.

Несчастьем русского переселенца является еще привычка его не столько бороться с внешними невзгодами, сколько искать забвения от них в вине. Водка поглощает много средств, но еще больше сознательности, обдуманности действий.

Правда, в молодых переселенческих поселках не разрешается открывать казенных винных лавок, но мест продажи водки в них вполне достаточно; без преувеличения можно сказать, что в новом переселенческом поселке иногда негде купить пуда муки, но всегда можно купить бутылку водки. И пока не повысится уровень культуры у населения, ограничительные меры и при том меры частичного характера, вроде удаления от населения мест продажи вина, мало достигнут цели.

У случайного наблюдателя проснувшейся к жизни Кулундинской степи уклад хозяйственного быта русских переселенцев, при сопоставлении его с хозяйственным бытом зажиточных меннонитов, пожалуй, не создаст отрадных настроений в душе, ибо у молодого, еще не окрепшего населения, чувствуется недостаток во всем, чувствуются задержанные потребности, в отдельных случаях бросается в глаза плохое питание, на почве которого развиваются порою тиф и цинга.

Но тот, кто внимательно всмотрится в эту, пока неустроенную жизнь, тот увидит в ней здоровые корни, которые рождают надежду на то, что окупятся жертвы прошлого и что на новых местах окрепнет и разовьется прекрасная жизнь.

Эти здоровые корни - климат и почва, которые не исключают возможности вести в обследованном районе хорошее земледельческое хозяйство; затем - сибирский простор; и, наконец, великая у пришельцев любовь к земле, к своей земле, без которой они не мыслят своего существования.

Обращаясь к своему прошлому, к жизни в Европейской России, переселенцы порою, с чувством недоброжелательства вспоминают ее и говорят о ней, как о кабале, в которой им приходилось жить из-за недостатка земли. Если даже переселенец сам находит, что пока здесь он испытывает много лишений, он все же часто говорит, что в Сибири ему лучше, чем на родине, потому что здесь есть своя земля, которой к тому же много. Эта тяга к своей земле, доходящая до жадности, уже раз, при выходе с родины, помогла ему преодолеть свою косность и все другие желания свои; она же, эта тяга к земле, и в Сибири, вызывая у переселенцев огромное напряжение и физических, и духовных сил, чтобы удержаться на земле, чтобы заставить ее служить себе, - является залогом того, что все препятствия будут устранены и благосостояние пришельцев упрочится».